

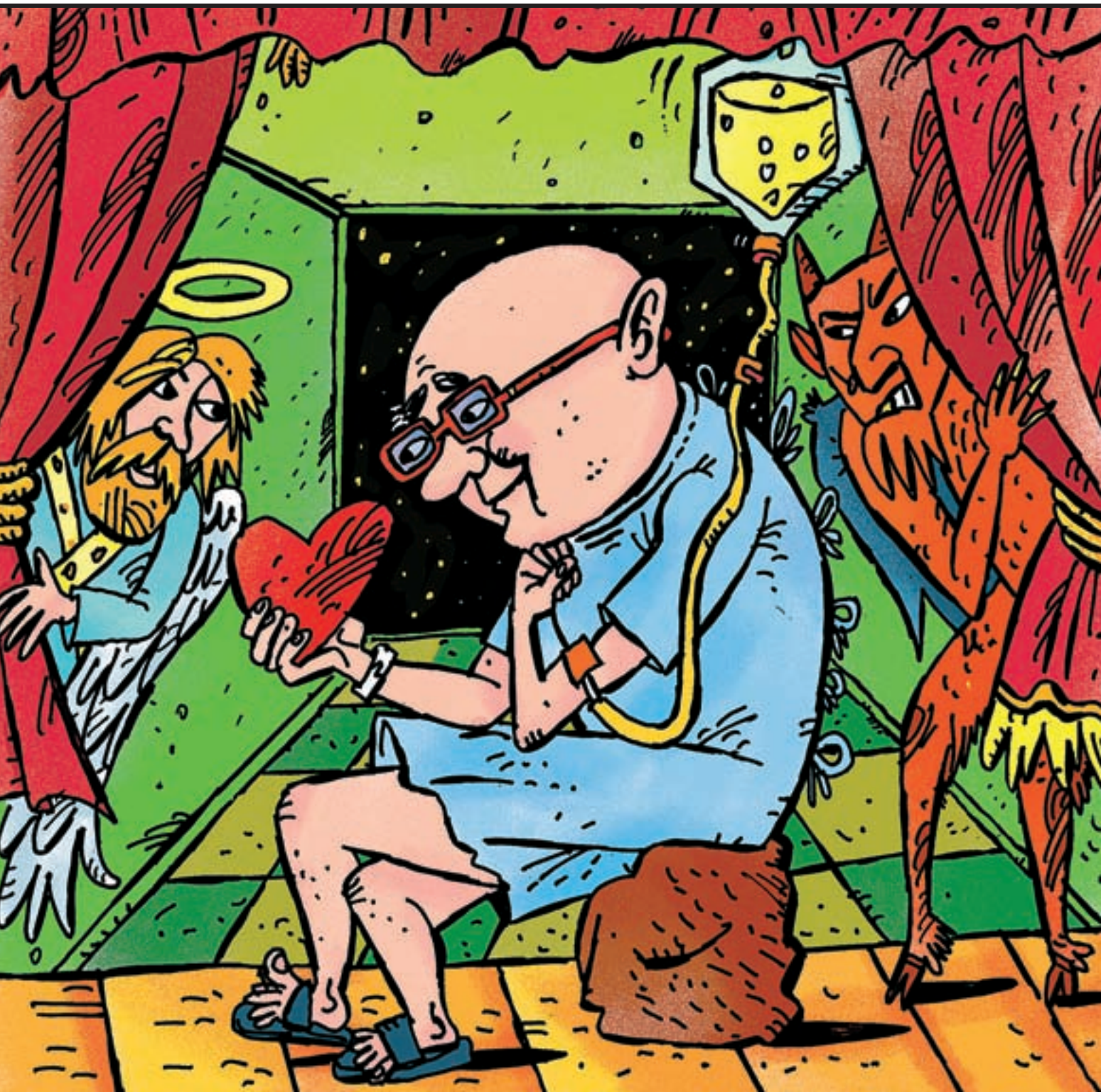
18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №23 ГАЗЕТА

Михаил Щербаченко / Зелёный коридор

АВТОР О СЕБЕ

Всю жизнь сочинял. Репортажи, статьи, очерки. Пьесы, сценарии, песни. Приказы, доклады, постановления.

Работая в газетах и журналах, выпустил море публикаций на всевозможные темы — от социалистического соревнования на передовом заводе до борьбы с пьянством и алкоголизмом, при этом, что важно, сам в борьбе не участвовал.

Для телевидения писал сценарии некогда знаменитых «Голубых огоньков», несколько лет был ведущим «Песни года», самой популярной музыкальной программы Советского Союза.

Потрудился для театра, сочинив детскую оперетту по мотивам узбекских сказок, которые сам же и выдумал, а также мюзикл о попсе 80-х. Спектакли шли долгие годы, зрители ходили и смеялись.

В течение десяти лет работал в московском правительстве, руководил Комитетом по телекоммуникациям и средствам массовой информации. Самонадеянно считал себя лучшим чиновником среди литераторов и лучшим литератором среди чиновников.

Ну, и, разумеется, были книги. В последние годы вышли «Краткий курс научного карьеризма», «Жизнь как искусство встреч», «Круиз для среднего класса», «Москвич. Власть и судьба Юрия Лужкова».

Родина оценила старания, наградила званием Заслуженный работник культуры РФ, а коллеги избрали Действительным членом Академии российской словесности, а также присудили несколько профессиональных премий.

КОЛЛЕГИ ОБ АВТОРЕ

В 90-х годах прошлого века журналисты любезного отечества повадились уходить в другие сферы. Кто в бизнес, кто в пиар, а кто и во власть. Немногие преуспели, но почти никто не вернулся в журналистику. Михаил Щербаченко и преуспел, и вернулся. Предлагаемый читателю сборник его лучших новелл, многие из которых впервые были опубликованы в газете «Вечерняя Москва», — это не только результат творчества талантливого прозаика и публициста, но и часть его яркой биографии, в которой нельзя убрать ни строчки.

Александр Куприянов, писатель, главный редактор газеты «Вечерняя Москва».

Сразу видно, что рассказы и повести Михаила Щербаченко создавались с удовольствием, а это весьма заразительно. Так что читатель, в свою очередь, волен насладиться и блеском изложения, и самоиронией автора, и его приметливой наблюдательностью.

Владимир Вишневский, поэт.

Если говорить об авторском стиле, то это (мое особое мнение) смесь Довлатова с Веллером, вот так. Хотя любое форматирование, возможно, здесь неуместно. Щербаченко — он и есть Щербаченко, сам себе стиль.

Александр Мельман, публицист, газета «Московский комсомолец».

Проза Михаила Щербаченко вызывает у меня добрую улыбку, грусть и желание читать еще и еще. Умный и ироничный взгляд на жизнь, наблюдательность, знание этой самой жизни в ее рутинных парадоксах и несоменный дар рассказчика — всё это отличает автора.

Он повествует вроде бы о рядовых вещах, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, но в его зрении есть острота и образная избирательность. Говоря о мимолетном, он говорит о главном: о жизни, смерти, любви, смысле нашего пребывания на этой земле. Михаил Щербаченко тонко чувствует то, что я называю «симбиозом противоречий» и без чего невозможна настоящая литература.

Юрий Поляков, писатель.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Оформление
художника
Александра Егорова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2020
Все права защищены
Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:
в каталоге агентства
«Роспечать»
70782 на полугодие,
71752 на год;
в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №23 /1868/ Основана в 1927 г.

Михаил Щербаченко

Зелёный коридор

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ОТ АВТОРА

Перед вами, уважаемый читатель, сборник разных историй. Почти все они, прошу поверить на слово, извлечены из реальной жизни, а многие сюжеты опробованы на собственной шкуре. К примеру, глава «Краткий курс научного карьеризма» начала складываться в экзотическое время моего пребывания на не последней государственной должности, новелла «Финансы поют романсы» наполнена непритворной тоской по накрывшимся деньгам, а очерк «Зелёный коридор» завертелся в мозгу сразу после выхода автора из долгого наркоза.

Не буду врать, темы и персонажи сборника возникали не только при разглядывании своего изображения в зеркале, но и благодаря беспардонному подсматриванию, подслушиванию и вольной переработке всяческих сплетен, чего автор ни чуточки не стыдится, поскольку считает сплетню устным народным творчеством. Этот микст вы обнаружите в повести «Круиз для среднего класса» и в главе «Родные, близкие и недалекие», где речь идет, как нетрудно догадаться, о мужьях и женах, отцах и детях, а также любовниках и любовницах, куда без них.

А самую большую мешанину найдете в разделе, куда сложены никак не связанные меж собой темы и персонажи, место и время действия. Однако у этого сыр-бора есть своя логика, которая заключена в названии главы, заимствованном у Станиславского: «Предлагаемые обстоятельства». В этой связи — пару мыслей напоследок.

Каждому из нас присвоено исключительное право сыграть заглавную роль в пьесе собственной судьбы. Чем, собственно, и занимаемся все отпущенное нам время. Театр жизни — это вам не кино, дублей тут не будет. Поэтому, читатель, усердно разучивайте и репетируйте роль. Прорабатывайте сверхзадачу и сквозное действие, второй план и подтекст. И, как учит Константин Сергеевич, вникайте в предлагаемые обстоятельства — то есть в жизненную ситуацию, куда актер должен поместить себя в своем воображении.

К чему это я? А к тому, что представленные вам истории списаны с натуры. Они произошли с другими людьми, а значит, могут случиться и с вами. Примерьте на себя, авось пригодится.

КРУИЗ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА

1

Прежде он никогда не падал с кровати. Оказалось, если шлепнуться на мягкий ковер, то ничего страшного. И даже смешно. Пошевелил ногами и руками, — все цело. «Ни фиги себе, ты представляешь...» — сказал, залезая на кровать, но рядом никого не было. Понятно, ушла в бар или в казино, вот и хорошо.

Закрыв глаза, но сон не возвращался. Вышел покурить на балкон. Море штормило, но беспокойным оно было только по ночам, утром наверняка будет штиль. Поднес огонек зажигалки к сигарете и вдруг осознал, что кругом полный мрак. Борт гигантского корабля, насколько он мог обозреть его с балкона, был погружен в темноту.

Вернулся в каюту, пощелкал выключателями — света не было. Ладно, сейчас починят, на такомavorоченном лайнере все узлы и агрегаты застрахованы от любого форс-мажора. А все-таки почему он скатился с кровати? Кажется, во сне почувился сильный толчок снизу. Могло быть такое? И, подтверждая, что могло, каюта вздрогнула, будто кто-то с нижнего этажа со всей дури двинул в потолок.

В этот момент он не мог знать, что могучий шестнадцатипалубный корабль «Oasis of the Ocean» в километре от берега встретил достойного противника — гранитный риф. Но именно тогда он впервые задал себе вопрос, который вскоре повторит множество раз: какого хрена я поперся в этот круиз? Хотя причины для путешествия были, и они представлялись важными. При том, что его, жадного до впечатлений путешественника, привлекали живописные места остановок, сейчас он отправился, как ни странно, искать смысл жизни. Понимал, конечно, что в его положении смысл жизни состоит в том, чтобы он вообще был. А если ты его не видишь, то надо сконструировать, предварительно разобравшись в себе. На суше, в вечной московской суете, это как-то не получалось, вот и вообразил себя не то Чацким, не то Чайльд-Гарольдом.

Нужно было решить конкретные вопросы: жить в России или свалить, продолжать работать или бросить это дело и существовать на ренту, найти постоянную даму сердца или уже до конца оставаться одному... Через два месяца стукнет 55 лет, он станет круглым отличником, самое время определиться, дальше будет поздно.

Обычно в любую поездку он брал с собой какую-то работу: бизнес-планы, концепции, отчеты, наброски публичных выступлений. А тут не взял абсолютно ничего. Дал себе установку сосредоточиться, как он выражался, на собственном пупке.

По характеру и привычкам он был системщиком, все важные вещи обязательно записывал на бумаге,

и теперь, готовясь к принятию судьбоносных решений, составил собственную анкету. Не дурацкое современное резюме, где каждый пишет о себе: энергичен, инициативен, оперативен, контактен... Его анкета была подробной, старого советского образца, и в общем и целом все в ней ему нравилось.

Фамилия, имя, отчество — нравится. Лев Сергеевич Дружинин. Хорошо звучит. Четырехстопный хорей. «Буря мглою небо кроет». Красиво, напевно. Правда, в обратном порядке — Дружинин Лев Сергеевич — напоминает «Трусишка зайка серенький». Отчасти подходит.

Год рождения — 1962-й — тоже нравится. Мировых войн не застал (необходимое уточнение: пока), зато присутствовал при изломе страны, повидал много чего интересного, кое в чем поучаствовал и, слава богу, остался цел и невредим.

Место рождения нравится — уж если где родиться и жить в этой стране, то в Москве.

Образование — нравится. Окончил Московский архитектурный институт. История знает случаи, когда из выпускников МАрхИ получались очень хорошие не-архитекторы: Данелия, Вознесенский, Макаревич. Без ложной скромности Л.С. присоединял себя к списку. И хоть по специальности отработал всего полтора года, занимаясь привязками типовых проектов промышленных зданий, в институте получил прививку хорошего вкуса, умение соединить искусство с точными науками.

Очень нравится семейное положение: разведен. Причем трижды. Двое детей, сын и дочь. Оба выросли, и ими не надо заниматься. Впрочем, он и раньше не очень-то ими занимался, просто присматривал. Отношения сложились доброжелательные, но не более того. Дети живут каждый своей жизнью, Л.С. им помогает, если просят, а если не просят — не помогает. Насчет зова крови у него затруднения — он его просто не чувствует.

Партийность. Был, состоял. Как большинство людей, которые в то время чего-то стоили.

Судимость. Несколько раз был на грани, но обошлось свидетельскими показаниями.

Места работы. Их было много. Л.С. обладает разносторонними навыками, умеет открывать, закрывать и поглощать бизнесы, способен возглавить туристическую компанию и футбольный клуб, создать радиостанцию и экологическое движение, разработать политический имидж кандидата-во-что-хотите и дизайн-проект ночного бара для ЛГБТ-сообщества. Он называет себя синьором из общества, знает всех, и все знают его. Когда где-то требуется свой человек, Л.С. всегда под рукой.

Но работником он был неважным. Отступал перед трудностями, быстро терял интерес к делу. Сам про себя это знал и, если чувствовал, что начинает заваливать проект, никогда не дожидался, пока выпрут, а действовал на опережение, уходил сам, облег-

чая таким образом задачу работодателю и сохраняя с ним добрые отношения.

В общем, если не считать мелочей, все его в себе устраивало.

Нравилось, что не молод и не стар. Много успел, но многого еще не попробовал, так что занятие найдется. Дефицит рабочих мест не пугает. Нравилось, что состоятелен, но не богат, меньше проблем. Нравилось, что полно приятелей и нет друзей. Друга придется выручать, дружба обязывает, а он не хочет обязательств. Нравилось, как он выглядит, как одет, как общается с людьми. Со старшими, младшими и равными. Нравился свой характер — легкий и незлопамятный.

Нравилось, что судьба в общем сделана, и сделана неплохо, все идет по плану.

Правда, в этот план не входила катастрофа.

2

В каюте включилась громкая связь, и мужской голос сбивчиво произнес несколько фраз, из которых Лев Сергеевич понял следующее: капитан информирует пассажиров, что вышел из строя один из генераторов, но скоро электрики справятся с этой проблемой. Л. С. облегченно выдохнул и снова отправился покурить, причем ему показалось, что пол наклонился в сторону балкона.

Не психуй, одернул он себя, не будет никаких титаников. И сразу вспомнил, как вчера в ресторане, когда они с Ольгой любовались закатом, пианист заиграл знаменитую музыкальную тему из «Титаника» — «My heart will go on». «Еще накаркает, придурок», — изящно выразилась Ольга, улыбаясь таперу. И Льву Сергеевичу кошачий коготь царапнул по сердцу.

Он не успел докурить сигарету, как дали свет. Л. С. открыл мини-бар, слил в один стакан три пузырька скотча и залпом выпил. А бутылочки в баре дрожат, подумал он, или это я дрожу? Нужно было срочно подумать о чем-нибудь приятном. Он лег в кровать, закрыл глаза, открутил календарь на несколько дней назад и увидел залитое солнцем Монте-Карло.

Л. С. ожидал, что к отелю подкатит какое-нибудь старое корыто, но Алексей Юрьевич прибыл на вполне пристойном «пежо» и воскликнул: «Наконец-то на родине Жана Габена появилось интеллигентное русское лицо!» Л. С. рассмеялся, впервые это приветствие он услышал почти тридцать лет назад, только тогда Леша ввинтил Робеспьера, а при их следующих встречах кого только не вставлял — Бомарше, Пиаф, де Голля, Миледи, Зидана, Людовика Четырнадцатого... Встреч было много, но он не повторился ни разу.

Отправляющемуся впервые во Францию Льву Сергеевичу парижский телефон Алексея Юрьевича, в ту пору собственного корреспондента большой со-

ветской газеты, дали друзья. Сказали, познакомься, веселый парень, по городу покатает. «Ну, так что, — с ходу спросил собкор, встретив москвича в аэропорту, — Джоконда в Лувре, цветы к могиле Бунина, женское белье в “Тати”»?». — «Канкан в “Мулен Руж”», футбол на «Стад де Франс», кабаки по вашему выбору за мой счет», — влет среагировал Лев. «Споемся», — резюмировал Алексей.

К тому времени он жил в Париже пятый год. Ему еще не исполнилось тридцати, когда получил назначение во Францию, и это была нереально-запредельная мечта. Оставалось только вовремя посылать в редакцию заметки о протестном митинге парижских говночистов да избегать пьяного дебоша в советском посольстве, — и можно считать, что жизнь удалась.

Среди каштанов, устриц и импрессионистов Алексей Юрьевич с женой провели лучшие годы. Но сменилась масть, денег на содержание зарубежных корпунктов у газеты не стало, возвращаться в Москву бессмысленно, поскольку приличной работы там не светило, а из имущества они располагали только панельной двушкой в Коровино-Фуниково. Концепция вечного счастья накрылась. И тогда, поразмыслив, супруги отбыли на юг, в Ниццу. Сняли недорогое жильё, перезнакомились с соотечественниками и открыли газету под названием «Русская Ривьера». Дело пошло.

Ускоренными темпами старый газетчик освоил Лазурный Берег, который называл Лазуркой, а также, естественно, княжество Монако, которое фамильярно именовал Монаковкой. Князя Альбера, правда, Аликом не называл, но периодически отмечал факт личного знакомства: я спросил князя, я сказал князю... Л. С. хмыкал про себя, но байки слушал с удовольствием, особенно во время наглядной демонстрации особняков наших трубочей — так гид-приятель называл ребят, припавших к нефтегазовой трубе, а также к иным плодородным нивам.

Для пушного удовольствия опытный газетчик возил с собой бинокль, который время от времени навел на объекты недвижимости, провозглашая: перед вами палаццо Барамовича, слева от него через три дома — чертог Топтанина, а вон там, ближе к морю, — сераль Мусанова.

Они доехали до закрытых ворот виллы «Леопольд» — по слухам, самой дорогой в мире; Алексей Юрьевич поведал, что олигарх-тяжеловес Грохотов собирался ее купить и даже внес залог — пятьдесят миллионов евро, но что-то не срослось, и залог квакнулся. А затем показал Льву Сергеевичу старинную овчарню в Сен-Жан Кап-Ферра, которую трубоч Бабаев купил всего за 20 миллионов и собирался вместе развалин поставить особняк. Но оказалось, что это место предвещает историческую ценность и ничего нового строить нельзя, равно как и трогать старое. Владелец пытался коррумтировать муници-

палитет, даже пожертвовал лимон на прокладку дороги, но разрешения ему все равно не дали. Теперь бродит вокруг овчарни, где давно никто не видел овец, зато наконец-то увидели козла.

Так, веселясь и сплетничая, вкатились в Монте-Карло. Вот это место стало легендарным, — Алексей Юрьевич показал на вывеску бара Твига. Тут оттягивались футболиеры Папаев и Капорин после того, как вместе с родной сборной получили мордой об стол на чемпионате Европы. Ну, шампанское за 250 тысяч евро, ты должен помнить.

Л.С. помнил, но еще лучше он помнил иной эпизод. В этот бар его с двумя пиарщиками однажды звал московский банкир, который собирался штурмовать Госдуму. Погуляли от души, а в конце приема приглашающая сторона посмотрела счет и сказала: «Мелочь. С каждого по семь штукарей, парни». Вот ведь скотина. Правда, позже они ему ответили, срубив денег по ходу избирательной кампании. Добавили к смете свои расходы в Монако и, подумав, подняли их вдвое.

В конце экскурсии приятели уселись в ресторане на берегу. После обеда нужно было встретить самолет с Ольгой, потом в монакском порту «Геркулес» начнется посадка на корабль. А пока понеслась душа в рай: анчоусы, лангусты, креветки, мидии, устрицы, сардины, лобстер... После четвертой бутылки ледяного белого приятели пустились в рассуждения о том, о чем интереснее всего трепаться в Монте-Карло, а именно — о богатстве.

В крохотном княжестве отмечен наивысший в мире объем бабла на квадратный метр, и в этом смысле оно — мера всех вещей. Кого-то Монако подвигнет на подвиги, дабы любой ценой войти в клуб избранных, но как жить тем, кто не впишется в бархатную книгу жизни? Записаться в клуб обреченных?

А знаешь, сказал Алексей Юрьевич, на Лазурке совсем необязательно быть богачом, чтобы чувствовать себя человеком. Тут все демократично, множество людей зарабатывают пару тысяч евро в месяц и не парятся. Все спокойно и достойно. Это тебе не наша-ваша Раша, где сиди и гадай, чем тебя угостят то Горби, то Елкин, то ВВП.

Эка хватил, думал Л.С. Он знал, что ответить: кого лечишь, Леша, пока ты гулял с собачкой по набережной Сены и хавал круассаны с шоколадом, мы жилы рвали, чтобы не пропасть. Некоторые все равно пропали, но многие поднялись. Надо было вовремя ехать назад, но ты ведь у нас франкофон. Так что выпускай свою газету про новые сиськи жены банкира Сосискина, а я скажу спасибо и Горби, и Елкину, и ВВП. Потому что с каждым из них я чувствовал себя лучше, чем с предыдущим. И ни слова про народ; я — тот же народ, рожденный без золотой ложки во рту, поэтому имею право измерять перемены в стране своей собственной линейкой. Как выразился классик, без меня народ неполный.

Ничего этого Л.С. конечно же не сказал, это навеки поссорило бы его со старым товарищем. Так что он слушал Алексея вполуха, кивал и думал о своем. Вот кругом яхты, яхты, яхты, — и все не твои, не твои, не твои... «Бентли», «бентли», «бентли» — и снова чужие, чужие, чужие. Допустим, мне было бы не по себе на гламурном пляже, где можно встретить Фимати, автора бессмертного хита «Сваливай, до свиданья!», и Лекторию Соню, переехавшую из «Дома-то-ли-два-то-ли-три» в дом местного миллиардера, и фигуристку-чемпионку Мальвину Алисину, рассказавшую по телевизору о посещении опочивальни князя Альбера. Просто надо самому себе ответить на вопрос: а тебя это напрягает?

Меня — точно нет, констатировал Л.С. Легко проживу без гламурного пляжа, где точно такая же вода и такие же лежаки и зонтики, что тянутся вдоль всех мировых побережий. Даже удивительно, что изобретательное человечество не придумало ничего нового в сфере потребления морских ванн. И Лазурка по сути ничем не отличается от Анапы или Гурзуфа.

Обойдусь без яхт и «бентли», хотя тут есть раздражитель. Злит не то, что они принадлежат другому, а то, кому именно. Владей ими Марк Цукерберг, Лионель Месси, Аль Пачино и иные чистопородные гении — и отлично, всё по заслугам. Но ведь среди собственников полно разных невыразительных особей, в том числе знакомые тебе Санёк и Ванёк, лишённые не то что признаков гениальности, но даже среднего ума. Вот что слегка портит настроение и побуждает задуматься: будь ты в свое время понахрапистее и пожаднее, мог бы владеть тут каким-нибудь пентхаусом, спеть дуэтом с Фимати и кое-что предложить Алисиной.

А с другой стороны, мог бы сейчас лежать под курганом, заросшим бурьяном, с пулевой дыркой в черепушке. Так что не будем гневить Создателя, примем кальвадоса на ход ноги и поехали. А когда простимся, дорогой друг Алексей Юрьевич, заедешь к хозяину этого ресторана и возьмешь с него комиссионные за привод гостя. Но это, конечно, не говорится вслух, — вслух другое: «Леша, убери свой бумажник, обед за счет отплывающей стороны».

3

Отплывал Лев Сергеевич всего дважды в жизни. Первый раз — в конце восьмидесятых по маршруту Москва — Углич — Москва. Интересовало его не место убийства царевича Димитрия, а каюта с койкой сроком на три дня. Что вы хотите — времена были лютые, куда девушку пригласишь? В гостиницу дорого, да и не давали номера людям с московской пропиской. Приятели могли уступить квартиру на пару часов, но темперамент молодого Льва требовал более продолжительного свидания.

Все получилось не совсем так, как он планировал. В пути до Углича девушку беспрерывно тошнило, а всю обратную дорогу она оплакивала несчастного царевича.

Вторая попытка спуска на воду состоялась в середине девяностых. Приятель позвал сплавить на первом в России частном теплоходе в рекламный тур с заходом в Афины и Стамбул. Соблазн был велик: тогдашняя жена грезилась о шубе из натурального меха (дешевле, чем в Греции, не купишь), а Лев Сергеевич мечтал увидеть себя в кожаной куртке от честного турецкого производителя.

Заплыв получился ярким. Приватизированную старую посудину трясло и качало так, что с надеждой вновь ступить на родную твердь пассажиры простились уже в начале пути. Преодолеть ужас можно было двумя способами, Л.С. использовал оба и через неделю воротился домой с сильнейшей алкогольной интоксикацией и отчетливыми признаками венерического заболевания. В довершение триумфа на шубе обнаружили проплешины, а на куртке — жировые пятна, скорее всего, об нее вытирали руки после шаурмы.

Короче, бесплатное морское путешествие привело Льва Сергеевича к стойкому убеждению, что приватизаторов водного транспорта надо без колебаний сбрасывать в надлежашую волну, предварительно привязав к ногам бетонную плиту.

Оба этих вояжа он вспомнил, начиная третью попытку. Перед ним стоял круизный лайнер «Oasis of the Ocean». Всем своим могучим и одновременно грациозным белым телом он подсказывал вопрос, который, согласно байке, Михаил Светлов задавал своей роскошной жене-грузинке: «Зачем бедному еврею такой дворец?»

Это и впрямь был дворец, вернее — плавучий пятизвездочный отель, флагман американской судостроительной компании. Триста метров в длину, 1200 пассажиров, 800 человек команды, собранной со всего света. На груди у каждого члена экипажа бронзовая визитка с именем и страной; Л.С. зафиксировал индусов, филиппинцев, малазийцев, мексиканцев... Обнаружилось по одному русскому, украинцу, а также девушка-киргизка.

Командный состав, в основном американский, должен был провести корабль по Западному Средиземноморью. Ночью плывем, днем заходим в порты Франции, Испании и Италии. В Риме Л.С. с подругой завершали свой недельный тур, «Oasis» же следовал дальше, выкачивая для своих хозяев жирные июльские деньги.

Лев Сергеевич с Ольгой за пару часов обошли лайнер. Фитнес-центр, спа, бассейны, сауны и турецкие бани обещали оздоровление. Пять ресторанов, бары, казино, кинотеатр, ночной клуб, караоке, аквапарк, библиотека и даже симулятор Формулы-1 гарантировали, что скучно не будет. Все было сдела-

но с американским размахом, комфортом и безвкусицей. Повсюду, включая каюты, коридоры и лифты, висели немыслимые картины, которые навели Льва Сергеевича на подозрение, что все их скупил оптом за откат. Впечатлили и общественные уборные, половая принадлежность которых обозначалась игривым изображением на дверях соответствующих гениталий.

Их каюта на шестой палубе (в смысле, на шестом этаже) была расположена удобно — почти посередине борта, с хорошим обзором. Ольга легла подремать, а Л.С. пошел к центральному бассейну и улегся на топчан, покрытый белым полотенцем. Корабль совсем не качало, солнце приятно грело, бэнд из семи музыкантов лабал американскую джазовую классику, все было приятно и буржуазно. Лев Сергеевич заказал стюарду выпивку и стал разглядывать попутчиков, время от времени делая зарисовки в блокнот, — эта давняя архитектурная привычка представлялась ему богемной. Селфи он считал моветоном.

Он уже знал, что на корабле плывут пассажиры из трех десятков стран. Тут не было форбсов, те все больше на собственных яхтах. А «Oasis of the Ocean» — место для уважающих себя господ среднего класса, так что в общем и целом все тут ровня. А вот выражения лиц разные. Наших он вычислил сразу — это была типичная местечково-брайтонская компания. Л.С. мог изобразить их с одного взгляда.

Собственно, иностранцы тоже были вполне знакомыми типажками. Вот, например, на соседнем лежаке устроилась старушенция. Не мадам, не фрау, не синьора, а точно миссис, типичная американка. Он вежливо приподнял бокал, приветствуя соседку, миссис высокомерно кивнула и отгородилась журналом. Ладно, мстительно подумал Л.С., сейчас запечатаю тебя во всей красе.

На разных курортах мира он много раз видел таких старух. У них скукоженная, обжаренная на солнце или в солярии кожа, сплошь покрытая конопушками, бородавками и пигментными пятнами. Они, никого не стесняясь, важно возлежат в шезлонгах, распутив дряблые животы и свесив бесформенные молочные железы. Нет, наши бурановские бабушки куда целомудреннее и симпатичнее, думал Л.С., дорисовывая соседку в образе Пиковой дамы и думая, какой эффект произведет появление Ольги.

Ее выход на пляж всегда вызывал энергетический прилив даже у мужчин с эректильной дисфункцией и ледяные флюиды, исходящие от окружающих дам. Так случилось и на сей раз. Ольга возникла у бассейна под вселенский хит Гершвина «The man I love», причем музыканты тут же заиграли в ее сторону. Она улыbnулась всему круизному сообществу, чмокнула Льва Сергеевича и легла рядом, но он понимал, что эта ослепительная презентация предназначена уже не ему. Не важно, кому именно, но не ему. Впрочем, ему это уже и не нужно.

Пиковая дама злобно просканировала сладкую парочку и слезла в бассейн, к писающим там детям. Л.С. вырвал из блокнота ее портрет, оставил его на виду и удалился. Это, конечно, было хамством, но уж очень хотелось.

4

Когда каюта снова завибрировала, Лев Сергеевич вспомнил сейсмический Узбекистан. Много лет назад он проснулся в гостиничном номере города Алмалык от того, что над ним качалась люстра. Вскоре заходил пол. Ему заранее объяснили, что в таких случаях делать: выбежать на улицу и прижаться к стволу толстого дерева — корни удерживают почву от расползания. Именно так он и поступил. Трясло несильно и недолго, местные люди на такие толчки вообще не реагировали.

Но то было землетрясение, а что сейчас-то — водотрясение? Товарищ Нептун забавляется? Л.С. постарался успокоиться. Он был уверен, что американский круизный корабль — идеально продуманный и настроенный механизм, где каждый член экипажа знает свой маневр. Наверняка перед выходом в рейс с командой по многу раз отрабатывают нештатные ситуации.

В эту минуту Лев Сергеевич не мог знать, что в полночь капитан корабля пригласил к себе на мостик нескольких знатных пассажиров с их дамами, и началась гулянка. При этом он продолжал управлять движением судна, отдавая приказы, естественно, на английском языке, но рулевой-португалец не сразу их понимал, приходилось повторять. Задержка накладывалась на задержку, в результате «Oasis of the Ocean» опасно приблизился к скалистому берегу.

Носовую часть удалось отвернуть от рифа, но корму занесло, и гранит проделал в корпусе сорокаметровую рваную пробоину. В поврежденных отсеках находилась судовая энергетическая установка. Жизненно важные узлы и агрегаты вышли из строя. С огромной скоростью вода устремила внутрь корабля и за минуту наполовину затопила два отсека.

Электромеханики сумели запустить дизель-генераторы, размещенные в неповрежденном отсеке, однако те не справлялись с нагрузкой, перегревались и отключались. Отказала автоматика, отвечающая за откачку воды, возобновить работу насосов стало невозможно. Рули заклинило, корабль лег в дрейф, и вскоре волны и ветер выбросили его на мель.

Всего этого, повторим, Л.С. не знал, как не догадывался и о таинственном свойстве совершенных, казалось бы, конструкций. Нет ничего надежнее отточеного до мельчайших деталей современного корабля, если он пребывает в управляемом режиме. И нет ничего страшнее, когда он выходит из подчинения. Плюсы меняются на минусы, продуманные функциональные связи начинают действовать во-

преки технической логики, ополоумевший механизм устремляется к точке невозврата. И вышколенная команда перед лицом не тренировочного, а реального экстрима теряет самообладание, провоцируя паническое безумие и приближая катастрофу.

Лев Сергеевич услышал в коридоре нарастающий шум, крики и топот. Бросился к двери, дернул ручку, но замок заклинило. Матерясь, он тряс ручку изо всех сил, пинал дверь ногой, тем самым еще больше ее деформируя и лишая себя надежды выбраться из каюты. Обессиленный и взмокший, он сел на пол. Хорошо еще, что не взял с собой отца. Но тут же вспомнил, что отца больше нет.

Еще год назад Л.С. всерьез подумывал, не повезти ли его с собой в круиз. С одной стороны, девяносто четыре года, болячек выше крыши; как они меж собой шутили, у Сергея Ильича остался только один исправно работающий орган — голова. Но, с другой стороны, сколько таких стариканов путешествуют по миру, — есть специальные сервисы, оборудование, обученные люди, которые хоть куда доставят человека в инвалидном кресле. А отец пусть даже на закате жизни получил бы удовольствие и впечатления, прежде ему незнакомые.

Пока сын раздумывал, отец умер. И собираясь — уже с Ольгой — в круиз спустя всего два месяца после похорон, Лев Сергеевич чувствовал если не стыд, то что-то очень похожее. Перед мертвыми тоже бывает совестно. Хотя Сергей Ильич со своего нового местожительства наверняка подавал знак: плыви и не сомневайся, я не в обиде.

Говорят, пока живы родители, мы остаемся детьми. Но Л.С. не чувствовал себя ни ребенком, ни сиротой, — какая еще сирота в пятьдесят четыре года. Он чувствовал иное — свою вину: не всегда был внимателен к старику, порой грубил, наверняка не сделал для него всего, что мог. И точно знал, что ощущение вины не отпустит его никогда, этот урок он уже прошел с матерью, ушедшей восемнадцать лет назад. Они с Сергеем Ильичом развелись, когда Лева был еще мальчиком, и мать, женщина жесткая и чересчур прямая, сделала всё, чтобы сын не виделся с отцом. И отец уступил.

Они вновь встретились на похоронах матери и, сами того не ожидая, потянулись друг к другу. Отец с тех пор не женился, других детей у него не было, и принудительное расставание с сыном мучило его все эти годы. Лев Сергеевич сделал вид, что не держит обиды; Сергей Ильич сделал вид, что поверил.

В последние годы отец сильно болел, с трудом передвигался, все хуже видел, но немощь свою переносил стойко, в гордом одиночестве, разве что нанятые сыном медсестра и домработница приходили по мере надобности. Он оказался не нытиком, не старым эгоистом, требующим к себе сочувствия и жалости. Сергей Ильич во всех проявлениях оставался интеллигентным человеком. Иногда даже слишком, из

разряда «извините, что я еще жив». И ему на самом деле было совестно, что он пережил многих людей значительно моложе себя, в том числе нескольких своих учеников.

Л.С. гордился отцом и внушал ему, что его болезни — это не что иное, как компенсация за привилегию очень долгой, наполненной, интересной жизни. На отцовских днях рождения он всегда произносил один и тот же тост. Папа, говорил он, ты родился при Владимире Ильиче, жил при Иосифе Виссарионовиче, при Никите Сергеевиче, при Леониде Ильиче, при Юрии Владимировиче, при Константине Устиновиче, при Михаиле Сергеевиче, при Борисе Николаевиче, при Владимире Владимировиче, при Дмитрие Анатольевиче, снова живешь при Владимире Владимировиче. И не просто живешь, а с каждым годом прожитой жизни укрепляешь генофонд нашего рода, вселяя надежду в сына и внуков. Твоя очередная задача — проводить меня на пенсию. Гости хохотали и аплодировали.

Однажды Лев Сергеевич спросил отца, что он делает целыми днями, и получил вполне философский ответ: каждый должен найти себе занятие в ожидании смерти. Сергей Ильич такое занятие нашел: читал хорошие книги и смотрел хорошие фильмы. Уверял, что этого достаточно, чтобы заполнить дни, которые в его возрасте стали совсем короткими. Что значит короткими, не понял Л.С., в каждом дне 24 часа, или 1440 минут, при чем тут возраст? И тогда отец объяснил ему теорию времени, которую, будучи ученым-биологом, вероятно, сам же и придумал.

За основу исчисления берется один календарный год. Когда тебе десять лет, этот год составляет десять процентов твоей жизни. Значительная часть того времени, что ты существуешь на свете. Вспомни, ведь тогда, в детстве, казалось, что год длится бесконечно, и каждый день этого года был долгим-предолгим. Когда человеку двадцать лет, то для него один год — это уже пять процентов прожитой им жизни. В сорок — всего два с половиной процента, мы физически чувствуем, что все кругом ускоряется. Той единицы времени, которой раньше вполне хватало, чтобы разгрести ворох дел, уже недостаточно.

А теперь, сказал отец, давай возьмем меня. Мне, считай, девяносто лет, и один год — чуть больше одного процента. Поэтому не успеваю встать, как пора ложиться. Так что для меня скоротать денек — пустяковое дело. Жаль только, что эта система дошла до меня так поздно, — иначе я успел бы в жизни гораздо больше.

Лев Сергеевич долго потом обдумывал отцовскую гипотезу. Было бы справедливо устроить все иначе: чтобы юность, когда не дорожишь временем, быстро пролетала, а поздний период, наполненный опытом и пониманием, как надо эту жизнь проживать, — наоборот, взять и растянуть. Но против природы с ее биоритмами не попрешь; как ни молодись,

как ни укрепляй здоровье, все равно каждый следующий твой день будет короче предыдущего. Время убежит от тебя, и ты не схватишь его за фалды.

Вот и время отца убежало со свистом, доставляя ему физические страдания. Они были настолько сильными, что Л.С. иногда ловил себя на мысли: не знаю, папа, что лучше — чтобы ты жил или чтобы умер. Этой мысли он пугался, ненавидел себя за нее, но она не отступала. А иногда Лев Сергеевич, видя, как мучает отца болезнь, думал: что, если я унаследовал его генетику и доживу до такого же телесного бессилия?

Л.С. где-то вычитал, что существует пять стадий отношения к смерти: отрицание, возмущение, уступки, отчаяние, принятие. У отца он не заметил ни возмущения, ни отчаяния; если они и пробивались наружу, Сергей Ильич переживал их в одиночку. Сын не раз хотел напрямую спросить его, хочет ли он жить, но так и не решился. А отец, скорее всего, хотел. Если что ему и надоело, то боль и ожидание конца, а не сама жизнь, которой никогда не бывает достаточно.

Смерть Сергея Ильича была легкой, одноминутной, именно такой, которая, согласно поверью, предназначена хорошим людям. Тут она угадала и все сделала правильно. Добавив при этом еще один бонус. Считается, что смерть уродует человека. Но Л.С. убедился, что все как раз наоборот. Лет до семидесяти пяти папа был красавцем, женщины в его присутствии млели, сын считал, что ему не досталось и половины отцовской породистости. Но потом болезни съели благородство лица и осанки, Сергей Ильич сделался похожим на Бабу Ягу. А в гробу к нему все вернулось, и пришедшие проститься вздыхали: ах, какой был мужчина! Смерть возвратила сыну именно того человека, которого он любил.

И тогда Лев Сергеевич вспомнил, как много лет назад, во время командировки в Тбилиси, оказался на грузинских поминках. Там много и красиво говорили, но запомнились слова одного старца. Считается так: ушел человек — и нас стало меньше, сказал он. Но когда уходит достойный человек — каждый чувствует, что духовно нас становится больше.

Теперь Л.С. понимал, насколько это точно. Уход Сергея Ильича будто влил в него новые силы. Но одновременно пришло понимание того, что отец был стеной, которая отделяла сына от его собственного финиша. Стена упала, и стало ясно, кто следующий.

5

На прикроватной тумбочке пискнул айфон, и на освещенном экране возникла заставка Ольги. Странно, подумал Л.С., обычно в открытом море мобильная связь не работала; видимо, мы недалеко от берега.

Ольга затрещала с места в карьер: произошла авария, тут жуткая паника, давка, лифты стоят, до каюты не добраться, говорят, будет эвакуация, захвати из

сейфа мои украшения, документы тоже, а еще в шкафу лежат туфли, которые мы купили в Барселоне, и плащ из Пальма-де-Майорки, и еще не забудь... Тут связь оборвалась.

Л.С. в эту минуту, разумеется, не мог знать, что во время встречи лайнера с рифом его подруга находилась в ночном баре и с удовольствием принимала ухаживания импозантного германского туриста. Он давно положил на нее глаз, еще у бассейна, пару раз они обменялись шутками на прогулках в Каннах и на Сардинии, Л.С. не мешал контакту, и немец вскользь намекнул ей, что в баре весело и хорошая музыка. Там они и увиделись. И ровно в тот момент, как Ольга, предвидя приглашение к нему в номер, обдумывала, стоит ли его принять, лихой «Oasis of the Ocean» врубился в подводную скалу.

Свет мгновенно погас, на пол полетели барные стулья, бутылки, стаканы и люди. Поднялся разноязыкий крик, международный средний класс бросился вон из ночных заведений — казино, караоке, баров, кинотеатра. Приступ панической атаки погнал народ в темные коридоры, на лестницы. Ольгин немец оказался парнем хладнокровным и, спрятав ее себе за спину, начал прокладывать дорогу.

Лев Сергеевич вздрогнул от донесшегося из туалета звона разбитого стекла, — это от нового толчка полетели на пол Ольгины флакончики и баночки. В каюте приятно запахло, но насладиться этим амбре не получилось, потому что препротивным звуком завывала сирена. Семь коротких гудков, один длинный. Сигнал тревоги, догадался Л.С. Следом включилась громкая связь, и человек, представившийся капитаном, сообщил, что все пассажиры должны надеть спасательные жилеты и явиться на четвертую палубу, откуда начнется эвакуация.

Л.С. достал жилет из шкафа, повертел его и понял: не то что в темноте, но даже и при ярком свете он не сможет его правильно надеть и застегнуть. А ведь сразу после отплытия всю публику созвали в кинозал и устроили подробнейший инструктаж, из которого он запомнил лишь то, что красные жилеты предназначены пассажирам и в экстренных ситуациях они дают преимущество, а желтые — для экипажа. Все остальное он, как обычно, прохлопал. А ведь там было именно то, что сейчас требовалось для спасения своей жизни.

Вот ведь урод, костерил он себя, вертя в руках жилет и в темноте ломая ногти о металлические застежки. Вся жизнь летаешь на самолетах, каждый раз стюардессы объясняют и показывают, как пользоваться спасательным жилетом, а ты, придурок, помнишь одно: сперва обеспечьте кислородной маской себя, потом — ребенка. Вникнуть тебе лень, думаешь, авось не понадобится. А вот взяло и понадобилось! И тут же Л.С. дал себе клятву, что, если уцелеет, подвергнет себя строжайшему наказанию. А уж это он умел делать, как мало кто.

Лишних подтверждений того, что у него две руки и обе левые, Льву Сергеевичу не требовалось. Память хранила вместительный архив его корявостей и неуклюжестей. Первый в жизни приличный костюм, сшитый к школьному выпускному балу и порванный об гвоздь в нарядном актовом зале. Первую ночь любви, завершившуюся конфузом и породившую уйму комплексов. Первую зарплату, украденную в метро после ее обмывания с коллегами. Первый выезд на первой своей машине, которая через десять минут в результате тактильного контакта с хлебовозкой и троллейбусом была сплющена спереди и сзади.

Есть люди, которые всё, к чему прикасаются, обращают в золото. Лев Сергеевич первым же прикосновением к предмету превращал его в хлам. Он знал за собой эту особенность, она была предначертана самой природой, спорить с которой бесполезно, и противопоставить злему року можно было только повторные усилия. Изначальные провалы не ослабляли волю нескладного человека, за первой попыткой всегда следовала вторая, третья, десятая, — и он не просто исправлял положение, но и перекрывал ранее намеченный результат. Он был живым воплощением постулата Дэйла Карнеги: «Если вам достался лимон, сделайте из него лимонад».

Лимонад он изготавливал продуманной системой муштры самого себя. Система включала теоретическую часть (пока не наелся нечистот, не получишь конфетку; каждый фарт надо отработать; неприятности всегда летают стаями; чем красивее паркет, тем больше на нем арбузных корок, — и прочие доморошенные мудрости), и практическую — разнообразные формы самоистязания под общим девизом: «Накажи меня, мой господин!» В искуплении через страдание Лев Сергеевич видел главный ресурс совершенствования личности.

Идея самосуда пришла к Льву Сергеевичу, когда он собрался исполнить заветную мечту — купить иномарку. А именно — пригнанную из Германии пятилетнюю «авоську», как называли «Ауди А8». В автомагazine обещали продержат машину до вечера, и Л.С. рванул за деньгами. Будучи человеком опытным, он хранил их в долларах, для конспирации завернутых в грязный полиэтиленовый пакет. В магазине, однако, сказали, что оплата производится в рублях, пришлось бежать в обменник. Время шло к закату, пересчитывать полученные отечественные денежные знаки было некогда.

Когда в магазине кассир сунул пачку в счетную машинку, высветилась цифра значительно ниже требуемой. В обменном пункте Льва Сергеевича обчислили на сумму, эквивалентную двум тысячам долларов, — по тем временам сумасшедшие деньги. «Авоська» ушла к другому покупателю. Скандал с менялами при отсутствии доказательства подлого обмена завершился дракой с охранником и позорным отступлением. И тогда Л.С. понял: пришло время су-